

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-1>

УДК 332.122

JEL R12, R50

Ю. Г. Лаврикова , А. В. Суворова

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Неоднородность экономического развития российских макрорегионов¹

Аннотация. Неоднозначность роли макрорегионов в современной системе управления пространственными трансформациями актуализирует необходимость обращения к специфике их развития. Цель исследования заключается в характеристике степени экономической неоднородности развития макрорегионов, выделенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации. В основе методического инструментария проведенного анализа лежит расчет индикаторов степени неоднородности массива данных (коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса), а параметрами сопоставления территориальных единиц друг с другом выступают комплексные показатели – валовой региональный продукт, объем инвестиций и денежные доходы населения. Результаты расчетов свидетельствуют о значительной степени неравномерности экономического развития макрорегионов, наблюдаемой на протяжении всего анализируемого периода – с 2000 г. по 2022 г. (в случае оценки среднедушевого ВРП – по 2021 г.). На уровне отдельных макрорегионов масштабы межтерриториальной неоднородности могут быть охарактеризованы по-разному. Это позволяет разделить их на 3 группы. Центральный, Северный, Уральско-Сибирский и Дальневосточный макрорегионы отличаются существенной неравномерностью развития входящих в их состав субъектов и отсутствием тенденции к ее сокращению. Рассчитанные для них величины коэффициента вариации в большинстве наблюдений значительно (до 4 раз) превышают пороговое значение (0,33). Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский и Волго-Уральский макрорегионы, напротив, достаточно однородны. Значения всех коэффициентов приближены к пороговым значениям или находятся ниже их. Уровень неравенства в развитии прочих макрорегионов характеризуется высокой степенью дифференциации и отсутствием ярко выраженного тренда изменений. Итоги исследования позволяют скептически взглянуть на перспективы достижения запланированных в рамках Стратегии пространственного развития Российской Федерации результатов. Практическая значимость проделанной работы определяется возможностью использования ее результатов в целях совершенствования пространственной политики.

Ключевые слова: макрорегион, межтерриториальное неравенство, оценка неоднородности, пространственное развитие, районирование, связность регионов

Благодарность: Исследование выполнено в рамках темы НИР Финансового университета ВТК-ГЗ-ФИ-29-23 «Финансово-экономические механизмы развития макрорегионов, городских агломераций и моногородов».

Для цитирования: Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. (2023). Неоднородность экономического развития российских макрорегионов. *Экономика региона*, 19(4), 934-948. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-1>

¹ © Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Yulia G. Lavrikova , Arina V. Suvorova Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Heterogeneity of Economic Development of Russian Macroregions

Abstract. As macroregions play an ambiguous role in the Russian system of spatial transformation management, it becomes important to examine the specificity of their development. The study aims to characterise economic heterogeneity of macroregions defined in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation. To this end, heterogeneity indices of the data array (coefficients of variation, asymmetry and kurtosis) were calculated. Territorial units were compared using such complex indicators, as gross regional product (GRP), amount of investment and population income. The calculation results indicate a significant unevenness of economic development of macroregions for the analysed period from 2000 to 2022 (or to 2021 in the case of assessing average GRP per capita). Due to differences in inter-territorial heterogeneity at the level of individual macroregions, these units can be divided into 3 groups. The Central, Northern, Ural-Siberian and Far Eastern macroregions are characterised by significant uneven development of their constituent entities and the absence of a reduction trend. In most observations, their coefficients of variation are up to 4 times higher than the threshold value of 0.33. On the contrary, the Central Black Earth, North Caucasus and Volga-Ural macroregions are quite homogeneous: the values of all examined coefficients are close to the threshold values or below them. A high degree of differentiation and the absence of a tendency to change are characteristic of economic development of other macroregions. The study presents a sceptical view at the prospects for achieving the goals set in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation. Thus, the findings can be used in practice to improve spatial policy in Russia.

Keywords: macroregion, inter-territorial inequality, assessment of heterogeneity, spatial development, zoning, regional connectivity

Acknowledgements: *The article has been prepared in accordance with the research topic of the Financial University VTK-GZ-FI-29-23 "Financial and economic mechanisms for the development of macroregions, urban agglomerations and single-industry towns."*

For citation: Lavrikova, Yu. G., & Suvorova, A. V. (2023). Heterogeneity of Economic Development of Russian Macroregions. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 19(4), 934-948. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-1>

Введение

Стратегия пространственного развития Российской Федерации (СПР)¹, принятая в 2019 г. и призванная определить направления трансформации пространства страны на ближайшую перспективу, несмотря на чрезвычайно интересную постановку управленческой задачи, актуальность поднимаемых вопросов и высокую квалификацию экспертов, принимавших участие в ее разработке, получила множество отрицательных откликов от представителей научного сообщества (Бухвальд, 2023; Минакир, 2019). Одним из наиболее критикуемых аспектов документа, выявленных Б. С. Жихаревичем и Т. К. Прибышиным в рамках обзора вышедших в отечественных изданиях за период 2015–2020 гг. публикаций, содержащих упоминание Стратегии пространственного развития Российской Федерации, является предложение

нового варианта районирования — разделения территории страны на отдельные макрорегионы (Жихаревич & Прибышин, 2021).

В соответствии с положениями СПР, формирование 12 макрорегионов связано с «усилением межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития» входящих в их состав субъектов Российской Федерации и позволяет обеспечить «сокращение уровня межрегиональной дифференциации, снижение внутрирегиональных различий». Следует отметить, что районирование как инструмент региональной политики может быть успешно применено для решения целого ряда управленческих задач, в том числе и в интересах сокращения межтерриториального неравенства. Более того, к настоящему времени в научной литературе накоплен значительный массив исследований, посвященных различным аспектам данного процесса, а практика создания института макрорегионов в рамках проводимой в Российской Федерации политики территориального развития далеко не нова: в этом контексте можно упомянуть

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Расп. Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-п. <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

федеральные округа, которые многие авторы (Вишневецкий & Демьяненко, 2010; Ким, 2019; Митрофанова, 2008) называют итогом реализации одного из вариантов макрорегионального деления, целевой установкой которого было совершенствование федеративных отношений, восстановление управляемости государства, укрепление властной вертикали (Демьяненко, 2012).

В то же время дискутировать о перспективности обращения к выделенным в рамках Стратегии пространственного развития Российской Федерации макрорегионам было бы некорректно, не охарактеризовав предварительно масштаб диспропорций их развития, в том числе в динамике: возможность трансформации этих масштабов (о которой говорится в СПР) определяется не только избранными в ходе реализации управленческих решений механизмами, но и спецификой процессов, характеризующих функционирование объектов анализа. Данное исследование фокусируется именно на этом аспекте масштабной темы управления трансформациями социально-экономического пространства страны и посвящено выявлению степени экономической неоднородности развития предложенных макрорегионов (что позволит проверить гипотезу о перспективности достижения запланированных в рамках Стратегии пространственного развития Российской Федерации результатов). Реализация поставленной цели требует решения двух задач: необходимо охарактеризовать изменения степени межтерриториальной неоднородности в макрорегионах, обозначенных в СПР, а также определить масштабы различий в развитии самих макрорегионов.

Теоретическая база исследования

Термин «макрорегион» достаточно широко применяется во многих областях знания, несколько трансформируя свое значение в зависимости от целей исследования или критериев, подлежащих учету. В рамках теории регионального управления под макрорегионом обычно понимается совокупность локализованных рядом друг с другом территориальных единиц, которые могут быть объединены по одному или нескольким признакам (Schymik, 2011). При этом если в работах европейских авторов в качестве таких территориальных единиц могут выступать как отдельные регионы, так и страны (Belloni, 2019; Gänzle et al., 2019), то в отечественной практике под макрорегионами понимаются исключительно комплексы субъектов Российской Федерации.

Различным аспектам развития макрорегионов посвящено значительное количество научных публикаций как в России, так и за рубежом. Зачастую ученые концентрируют внимание на происходящих в границах макрорегионов процессах, в этом случае макрорегионы играют роль полигона исследования, задавая его территориальные рамки и определяя перечень объектов, подлежащих анализу (Sielker, 2016; Vorontsova et al., 2020; Печеневский, 2020). Однако в некоторых работах изучению подвергается сам макрорегион — как особая комплексная социально-экономическая система, специфичность которой определяется ее масштабом и местом, занимаемым в системе территориального деления. В таких случаях исследовательский интерес может фокусироваться на обозначении места макрорегионов в современной региональной политике (Бухвальд & Валентик, 2019; Паничкина, 2019; Stead, 2014), характеристике критериев и логики определения их границ (Блануца, 2020; Pagliacci et al., 2019), выявлении особенностей макрорегиона как объекта управления (Кузнецова, 2022; Топилин & Хомяченко, 2021) и механизмах его устойчивого развития (Chilla & Streifeneder, 2018; Szlachta & Zaleski, 2011).

В целом, позиции авторов сходятся в том, что макрорегион представляет собой значимый с точки зрения регулирования конструкт, воздействие на который является важным элементом системы мер, направленных на обеспечение пространственного развития: в Европейском союзе разработка комплексных макрорегиональных стратегий в настоящее время признается одним из основных направлений реализуемой политики сплочения (Gänzle & Mirtl, 2019; Medeiros, 2013), российские исследователи также отмечают актуальность обращения к макрорегиональному уровню для достижения стратегических целей преобразования страны (Ермаченко, 2020). В то же время действующая практика создания и функционирования макрорегионов в пространстве России оценивается весьма неоднозначно. Так, активную дискуссию вызывает вопрос дальнейшего развития института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и будущее самих федеральных округов (Ким, 2020; Лебедев, 2018); много негативных оценок получила система макрорегионов, предложенная в СПР, причем особо острой критике подверглась непроработанность критериев выделения их границ (Минакир et al., 2020), неоднозначность их соотношения с федеральными округами

(Кожевников, 2019; Степуть, 2019), неочевидность тех инструментов и механизмов, которые могут быть использованы в интересах достижения целей их формирования (Алиев et al., 2020; Бухвальд, 2019). И хотя подход к выделению границ федеральных округов также может быть оценен как «нарушающий сложившиеся географические структуры региональной идентичности» (Туровский, 1999), именно федеральные округа в большинстве исследований отождествляются с макрорегионами — объектами анализа и управления.

Например, проблема межтерриториального неравенства (в контексте макрорегионов) раскрывается преимущественно через характеристику процессов, происходящих в границах федеральных округов. Оценивая степень дифференциации их развития с помощью различных параметров — показателей экономического роста (Сорокина, 2020), доходов населения (Тарасов, 2021), инновационного потенциала (Чайникова, 2015) — исследователи отмечают устойчивое воспроизводство межтерриториального неравенства, характеристики которого в долгосрочной ретроспективе существенно не меняются. Анализ уровня социально-экономической неоднородности в разрезе выделяемых в СПР макрорегионов (который встречается в научной литературе гораздо реже — во многом из-за того, что эти структуры еще не закрепились ни как объекты исследования, ни как объекты территориальной политики) позволяет сделать схожий вывод о долгосрочной тенденции нарастания межгрупповых различий, а также об асинхронности темпов роста наблюдаемых изменений (Шаталова, 2022; Сивцова et al., 2023).

Данные и методы

В арсенале исследователей, которые занимаются вопросами организации социально-экономического пространства, можно обнаружить значительное количество подходов и алгоритмов, способных наглядно охарактеризовать масштабы межтерриториальной неоднородности. Среди них есть как чрезвычайно простые способы оценки (например, выявление разрыва между максимальным и минимальным значениями исследуемого параметра в рамках выбранной совокупности территорий, определение вклада в совокупную величину данного параметра территориальной единицы — лидера и т. п.), так и более сложные методы, базирующиеся на использовании специальных индикаторов. К ним могут быть отнесены параметры неравномерности распре-

деления благ (David, 2019; Martin-Legendre, 2018), уровня концентрации (Miljkovic et al., 2013), экономической энтропии (Hajdu, 2021; Muszynska et al., 2018).

Из широкого перечня инструментов, пригодных для оценки степени дифференциации сопоставляемых объектов, в рамках данного исследования были отобраны часто применяемые в статистическом анализе индикаторы — коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса. Они характеризуют особенности распределения случайной величины (в данном случае — параметров, описывающих функционирование отдельных элементов пространства страны) и могут применяться для измерения степени неоднородности развития территориальных систем (Мохнаткина, 2023). При этом использование данных коэффициентов обуславливает возможность качественной интерпретации итогов проведенных расчетов за счет осуществления их пороговой оценки (для каждого коэффициента определены пороговые значения, позволяющие прокомментировать выявленные расхождения).

Коэффициент вариации определяет относительную меру отклонения наблюдаемых значений от их усредненного (среднего арифметического значения) значения; если значение данного коэффициента составляет менее 33 %, совокупность данных считается достаточно однородной, а анализируемые значения достаточно близки друг к другу.

Коэффициент асимметрии характеризует «скошенность» распределения по отношению к математическому ожиданию (среднему — взвешенному по вероятностям возможных значений значению случайной величины), то есть позволяет оценить степень близости выборки к большим или меньшим значениям, которые принимает рассматриваемый показатель; если величина коэффициента лежит в границах от $-0,5$ до $0,5$, то оцениваемая совокупность имеет достаточно низкую степень асимметрии; в случае положительного значения коэффициента выборка тяготеет к меньшим величинам, в случае отрицательного — к большим.

Коэффициент эксцесса (островершинности) описывает степень остроты вершины графика распределения наблюдаемых значений, показывая, находятся ли большинство значений в непосредственной близости к средней величине (значение коэффициента близко к 0), или они распределены на большем отдалении от нее (значение коэффициента положительно, при этом значительный эксцесс (больше 1) оз-

начает наличие в выборке статистических выбросов — значений, резко отличающихся от прочих).

В качестве параметров, позволяющих охарактеризовать развитие отдельных элементов пространства страны, были выбраны показатели, наиболее комплексно описывающие происходящие в границах масштабных территориальных единиц процессы — ВРП на душу населения (интегральный показатель итогов хозяйственной деятельности), объем инвестиций в основной капитал на душу населения (дающий представление о ресурсах развития и возможностях решения территории имеющихся проблем), среднедушевые денежные доходы населения (влияющие на уровень жизни тех, кто проживает на территории).

Перечень отобранных показателей определил временные рамки периода исследования: если данные об объемах инвестиций и доходах населения доступны вплоть до 2022 г., то сведения о среднедушевом ВРП ограничиваются 2021 г. (начало анализируемого периода во всех трех случаях — 2000 г.).

Полигоном проводимого исследования выступили обозначенные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации макрорегионы. Выявление неравенства масштабов их экономического развития было осуществлено в двух срезах: сопоставлению друг с другом подвергались как сгруппированные в рамках макрорегионов данные, так и параметры развития субъектов Российской Федерации, локализованные в границах каждого из них.

Следует также отметить, что данное исследование продолжает (в том числе с точки зрения используемого методического инструментария) проделанную ранее работу по проверке гипотезы о возможности сокращения разницы между параметрами развития территорий в результате их объединения в макрорегион, сформированный в соответствии с административными принципами (Суворова, 2021) — рассмотрение кейса Уральского федерального округа позволило сделать вывод о номинальном характере связности регионов, фиксируемой в результате подобных преобразований.

Результаты исследования

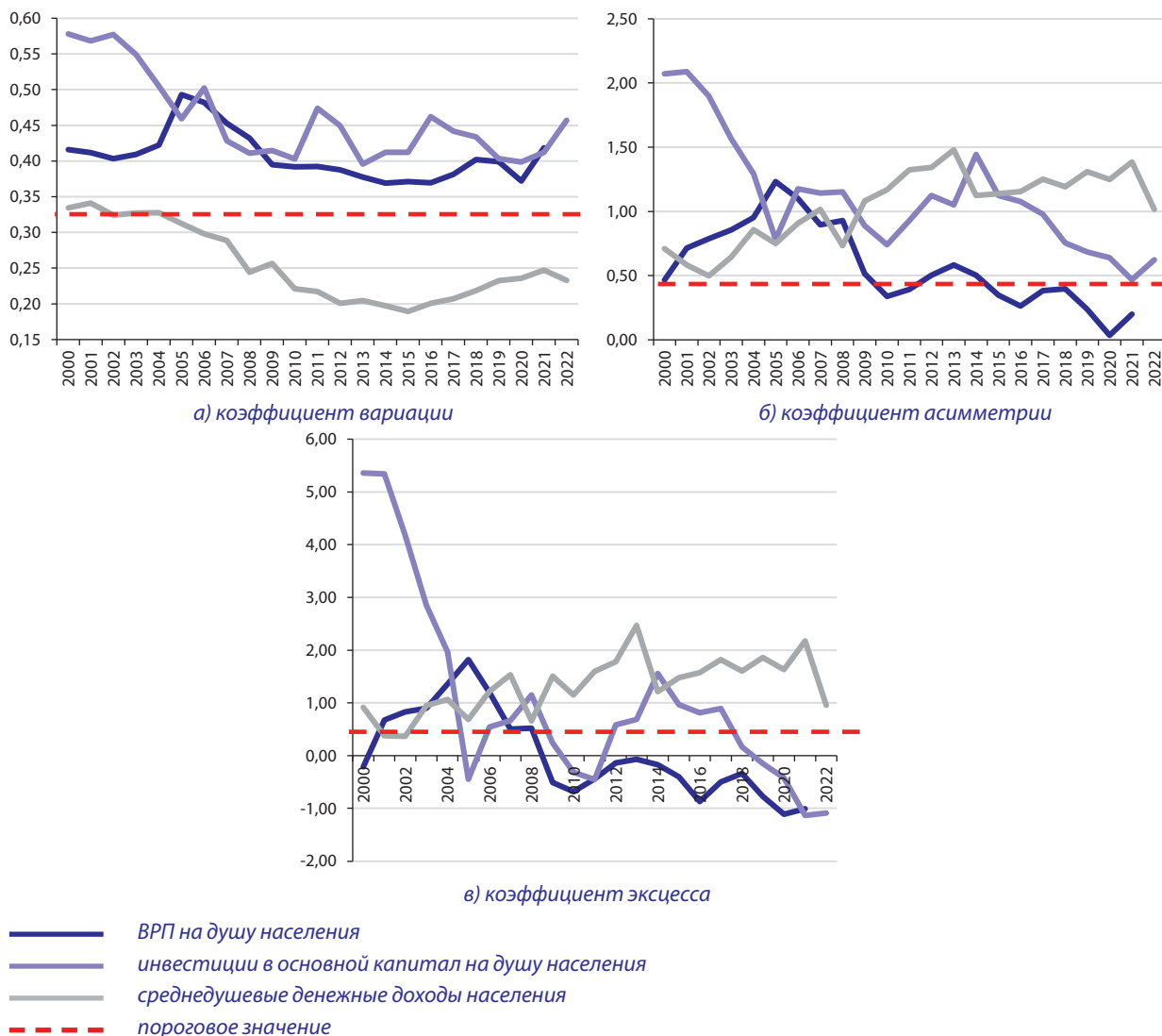
Интегральные (для каждого макрорегиона) среднедушевые значения валового регионального продукта отличаются друг от друга (о чем свидетельствует величина коэффициента вариации — более 0,33), причем за рассматриваемый период масштаб неравенства не со-

кратился: наметившаяся в первом десятилетии XXI в. тенденция к повышению степени однородности значений сменилась ситуацией нестабильности, характеризующейся сочетанием разнонаправленных трендов и во многом определяющей сочетанием кризисных явлений различной природы (рис. 1а).

Схожая тенденция характерна и для значений коэффициентов вариации, рассчитанных с помощью показателя «инвестиции в основной капитал на душу населения», хотя в данном случае нестабильность и наличие резких переходов от одной величины к другой определяют изменения, наблюдаемые на протяжении всего периода (что можно объяснить наложением друг на друга инвестиционных циклов множества проектов, реализуемых в различных макрорегионах). Также необходимо отметить, что состав лидеров и аутсайдеров в сфере привлечения инвестиционных средств на территорию со временем несколько меняется (подобная «смена» означает наличие у территориальных систем возможности реализации имеющегося у них потенциала), но опасение вызывает факт стабильного отставания по величине данного параметра ряда регионов (в первую очередь локализованных в Северо-Кавказском макрорегионе) от прочих субъектов — это может грозить дальнейшей «консервацией» ситуации, а в перспективе — увеличением межтерриториального разрыва в итогах экономического развития.

Величины усредненных (по макрорегионам) доходов населения отличаются друг от друга не так существенно (что, как правило, характерно для большинства «социально ориентированных» показателей), как значения прочих параметров (величина коэффициента вариации ниже порогового), однако и в этом случае в последние годы наблюдается тенденция к росту межтерриториального неравенства.

Асимметрия принимаемых макрорегионами значений по всем анализируемым показателям правосторонняя (положительная) — выборка тяготеет к значениям ниже средней величины (рис. 1б). Это означает, что количество макрорегионов с более высокими значениями параметров меньше, чем число прочих макрорегионов, однако их влияние на совокупность данных весьма существенно (т. е. присутствует ярко выраженная централизация в распределении анализируемых активов — доходов, инвестиций). При этом для значений подушевого ВРП характерна достаточно низкая степень асимметрии (особенно в последние несколько лет): соотношение отлича-

Рис. 1. Коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса принимаемых макрорегионами значений рассматриваемых показателей (источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>))

Fig. 1. Coefficients of variation, asymmetry and kurtosis for the considered indicators of macroregions

ющихся друг от друга по данному показателю макрорегионов сбалансировано.

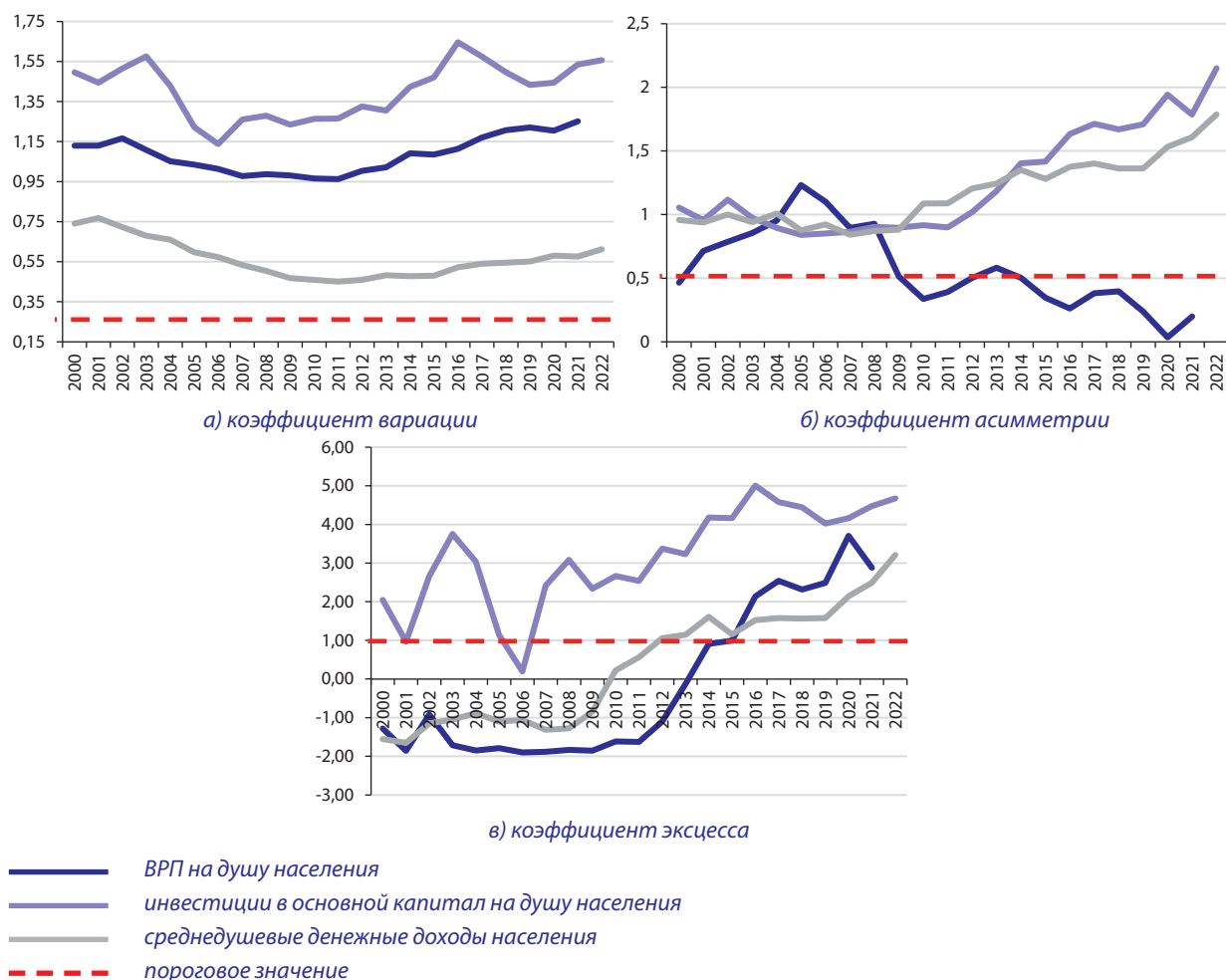
Значения коэффициента эксцесса относительно невелики: характеристики отдельных макрорегионов приближены к средним величинам (во многом потому, что они сами являются средневзвешенными). К настоящему времени существенных расхождений между макрорегионами (в противовес наблюдаемых в начале 2000-х гг. по такому показателю, как объем инвестиций на душу населения, и обусловленных наличием лидера — Уральско-Сибирского макрорегиона и аутсайдера — Северо-Кавказского макрорегиона, серьезно отличавшихся от прочих территорий) не наблюдается (рис. 1в).

На субрегиональном уровне ситуация может складываться по-разному: условно всю со-

вокупность территориальных систем можно разделить на несколько групп.

Первая группа — это макрорегионы, для которых характерна высокая степень неравномерности развития входящих в их состав элементов (субъектов Российской Федерации). Как правило, пространство этих макрорегионов достаточно сильно поляризовано (есть ярко выраженные лидеры и / или аутсайдеры), причем со временем неравенство между регионами лишь возрастает (либо снижается в незначительных масштабах). К данной группе можно отнести Центральный, Северный¹, Уральско-Сибирский и Дальневосточный макрорегионы.

¹ Расчет некоторых коэффициентов для Северного макрорегиона невозможен вследствие незначительного количества составляющих анализируемой выборки (в его состав входят только 3 субъекта Российской Федерации).

Рис. 2. Коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса принимаемых регионами Уральско-Сибирского макрорегиона значений рассматриваемых показателей (источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>))

Fig. 2. Coefficients of variation, asymmetry and kurtosis for the considered indicators of the Ural-Siberian macroregion

Оценка динамики параметров неоднородности регионов, входящих в состав одного из макрорегионов данной группы (Уральско-Сибирского), наглядно показана на рисунке 2.

Значения коэффициента вариации на протяжении всего анализируемого периода превышают пороговое значение, уровень неравенства сократился незначительно, более того, в последние годы можно зафиксировать увеличение межрегиональной неоднородности.

Правосторонняя асимметрия, также наблюдаемая в течение 22 лет, свидетельствует о наличии в макрорегионе нескольких лидеров (автономные округа), существенно опережающих прочие субъекты по анализируемым параметрам и во многом объясняющих высокую степень межрегиональной неоднородности.

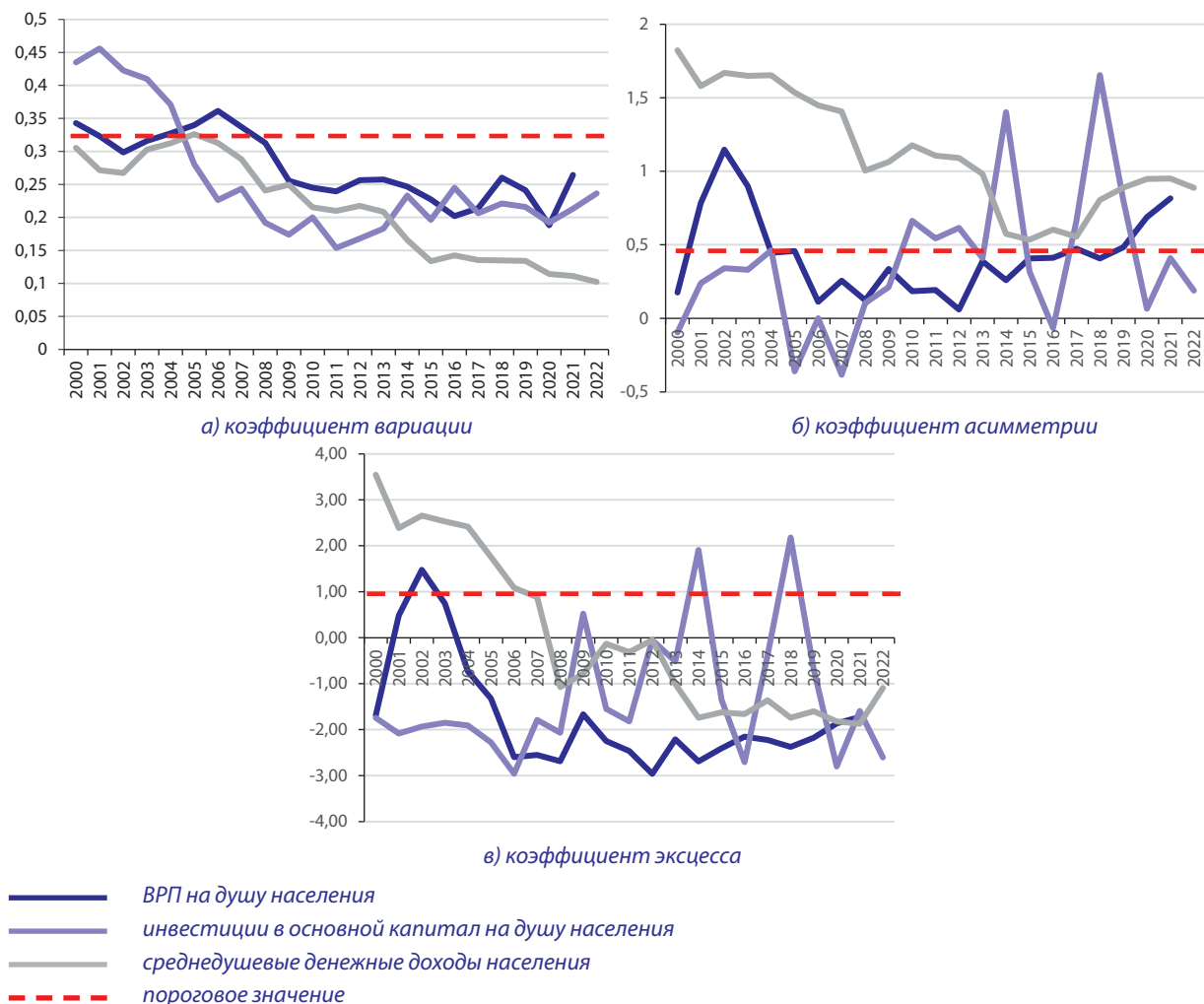
Значения коэффициента эксцесса также свидетельствуют о высоком уровне межтерриториальной разрозненности (возрастающем

в долгосрочной перспективе), наличии «выпадающих» из общей совокупности значений.

Вторая группа — это макрорегионы, обладающие относительно высокой степенью однородности (коэффициент вариации в большинстве случаев незначительно превышает пороговое значение) и сравнительно небольшим (в рамках большей части анализируемых периодов) расхождением наблюдаемых значений от средней величины (о чем свидетельствуют невысокие значения коэффициента эксцесса). Участники этой группы: Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский и Волго-Уральский макрорегионы.

Значения анализируемых коэффициентов одного из представителей группы (Волго-Уральского макрорегиона) показаны на рисунке 3.

Значения коэффициентов вариации для макрорегиона в последние годы находятся стабильно ниже порогового значения, что озна-

Рис. 3. Коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса принимаемых регионами Волго-Уральского макрорегиона значений рассматриваемых показателей (источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>))

Fig. 3. Coefficients of variation, asymmetry and kurtosis for the considered indicators of the Volga-Ural macroregion

чает относительно невысокий уровень межрегиональной неоднородности.

Уровень асимметрии также стремится к пороговой величине, хотя в данном случае однозначного изменения значений рассматриваемого показателя во времени не наблюдается: например, коэффициент для показателя «инвестиции в основной капитал на душу населения» весьма существенно меняется каждый год.

При этом параметры эксцесса локализованы в зоне, нахождение в которой свидетельствует об отсутствии среди регионов территориального комплекса явных лидеров или аутсайдеров развития (что также является свидетельством относительной сбалансированности между регионами, входящими в субрегиональную систему).

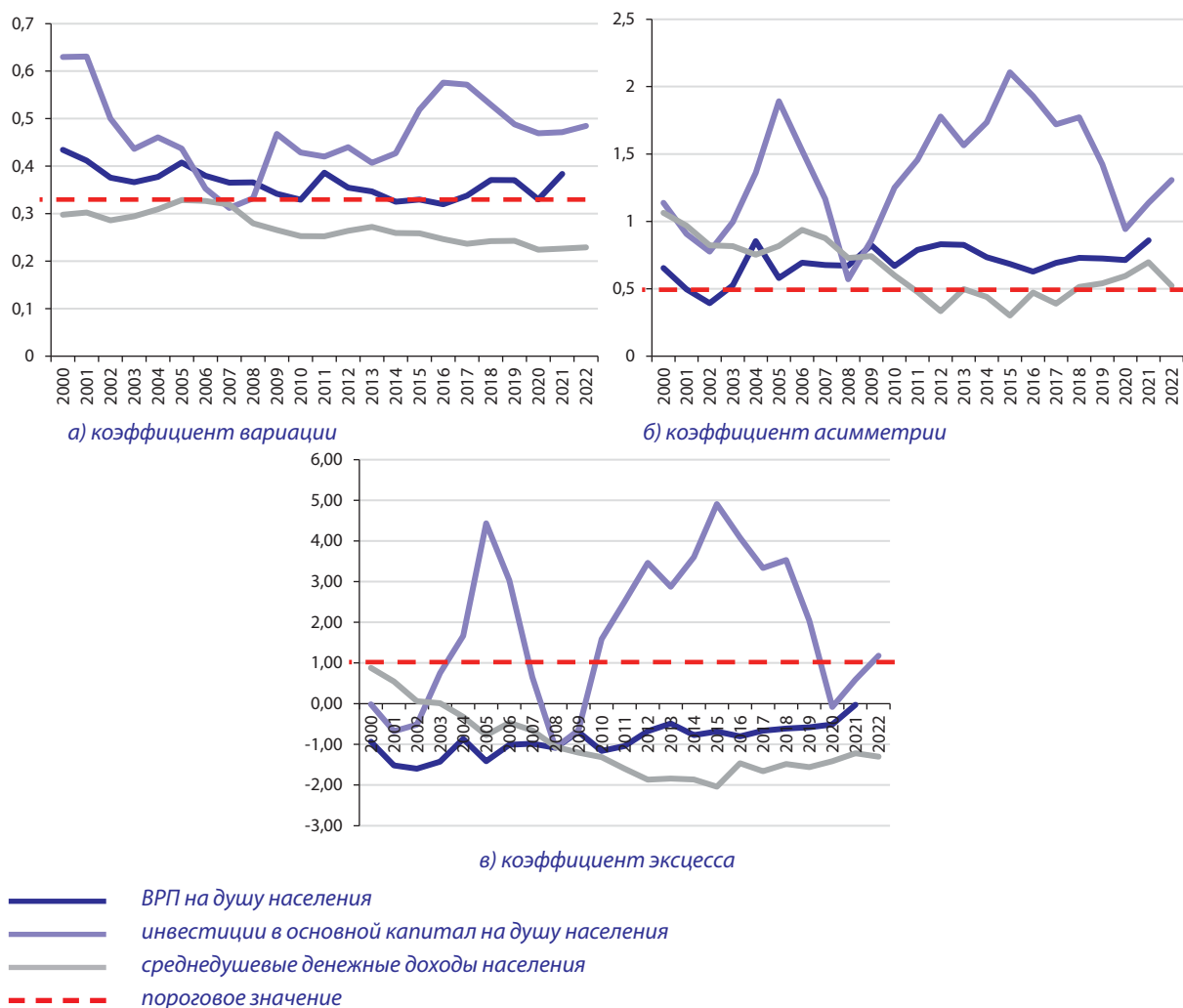
Третья группа — это макрорегионы (Северо-Западный, Южный, Волго-Камский, Южно-

Сибирский, Ангаро-Енисейский), параметры неоднородности которых (в том числе в динамике) весьма дифференцированы, подвержены влиянию значительного количества разнородных факторов (в т. ч. из-за существенных отличий в хозяйственной специфике входящих в их состав субъектов).

Так, степень однородности одного из представителей данной группы — Волго-Камского макрорегиона — при оценке разных сфер может быть интерпретирована по-разному: если уровень среднедушевых доходов населения варьируется несущественно, то величина среднедушевых инвестиций отличается от региона к региону достаточно значительно, а также характеризуется высокой нестабильностью в ретроспективе (рис. 4а).

О значительном разбросе значений входящих в состав Волго-Камского макрорегиона территорий по такому показателю, как инве-

Рис. 4. Коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса принимаемых регионами Волго-Камского макрорегиона значений рассматриваемых показателей (источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>))

Fig. 4. Coefficients of variation, asymmetry and kurtosis for the considered indicators of the Volga-Kama macroregion

стиции в основной капитал на душу населения (при относительно невысоких расхождениях, фиксируемых в отношении среднедушевого ВРП и доходов), свидетельствует также величина коэффициентов асимметрии и эксцесса (рис. 4б, 4в). При этом степень вариативности значений по прочим анализируемым параметрам не настолько ощутима.

Таким образом, степень социально-экономических диспропорций, фиксируемых на уровне отдельных макрорегионов (особенно первой группы) может существенно превышать неоднородность развития самих макрорегионов.

Заключение

Проведенный анализ показал достаточно высокую степень неравномерности экономического развития макрорегионов (причем ее существенного снижения за длительный ана-

лизируемый период не наблюдается), а также наличие признаков централизации ресурсов (разного типа) в пространстве ограниченного количества субрегиональных структур. При этом явные «перекосы» условий (или итогов) экономического развития макрорегионов не фиксируются. В большей степени это может быть объяснено эклектичностью рассмотренных структур (макрорегионов), которые могут объединять существенно отличающиеся субъекты (вследствие чего реальные масштабы межтерриториальных различий несколько «размываются»).

Трансформация масштабов межтерриториальной неоднородности на уровне отдельных макрорегионов в пределах рассматриваемого периода достаточно неоднозначна. В то же время наличие ряда общих закономерностей этого процесса, присущих некоторым макрорегионам, позволяет произвести их

группировку. К первой группе были отнесены Центральный, Северный, Уральско-Сибирский и Дальневосточный макрорегионы — степень неравномерности развития входящих в их состав субъектов Российской Федерации выражена наиболее ярко, межтерриториальное неравенство со временем существенно не снижается. Весьма существенно от них отличаются макрорегионы второй группы (Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский и Волго-Уральский), обладающие относительно высокой степенью однородности. Параметры неоднородности макрорегионов, попавших в третью группу, отличаются высоким уровнем дифференциации, не характеризуются наличием ярко выраженной тенденции изменений (представители данной группы — Северо-Западный, Южный, Волго-Камский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский).

За время, прошедшее с момента утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации (в 2019 г.), уровень неоднородности, фиксируемый как на национальном, так и на макрорегиональном уровне, несмотря на заявленные целевые установки не только не сократился, но в ряде случаев стал более существенным. Безусловно, период реализации документа еще не завершен, а эффектам от осуществляемых в интересах преобразования социально-экономических систем мероприятий присущ временной лаг, однако получение запланированного результата вследствие обращения в рамках проводимой политики к закрепленным в СПР приоритетам и механизмам даже в перспективе представляется спорным.

В этой связи следует отметить два дискуссионных момента.

В первую очередь стоит обратить внимание на неоднозначность постановки самой задачи сокращения межтерриториальных различий. Как справедливо отмечает О.В. Кузнецова, неочевидным является «выбор масштаба территорий, по которым оценивается сокращение территориальных диспропорций», а сам процесс подобного сокращения не обязательно означает позитивную динамику преобразования муниципальных образований, регионов и макрорегионов (Кузнецова, 2019). Сведение итогов управления пространственным развитием к ряду формальных параметров может не позволить сфокусировать усилия на решении значимых для территориальных систем проблем, заставив субъектов территориальной политики уделять внимание аспектам, слабо поддающимся контролю в силу объективно-

сти обуславливающих их факторов. Например, Н.В. Зубаревич невысоко оценивает эффективность попыток сглаживания экономического пространства из-за того, что экономическое неравенство неизбежно (Зубаревич, 2014).

Второй сюжет рассматриваемой проблемы касается районирования как инструмента территориальной политики. Сама идея интеграции субъектов, близких друг к другу по географическому, экономическому и прочим признакам, общности характерных для них проблем (что позволяет обозначить единый для всех входящих в состав таких структур территориальных единиц ориентир преобразования, упростить координацию их действий), может быть весьма перспективной. Необходимо, однако, учитывать, что объединение регионов в территориальные совокупности автоматически не приводит к снижению разрозненности. Этот процесс обязательно должен подкрепляться продуманной и реализуемой программой мер (в том числе финансово-экономических), направленных на усиление взаимодействия между территориями, формирование общих технологических цепочек, реализацию совместных проектов и т. д. К сожалению, на данном этапе предлагаемые в рамках СПР макрорегионы представляют собой в большей степени формальные объединения, функционирование которых не подкрепляется продуманной стратегией развития, пулом совместных межрегиональных проектов и набором механизмов, способствующих усилению взаимодействия между ними. Не пытаюсь критически оценить логику межтерриториальной интеграции, положенную в основу выделения макрорегионов в рамках СПР, мы считаем нужным отметить значимость корректного (отвечающего поставленным задачам) формирования перечня участников каждого подобного объединения: особое значение имеют не столько близость их отраслевой специфики или общность присущих им проблем, сколько единство стратегических ориентиров и готовность к формированию и укреплению взаимосвязей.

Все вышесказанное определяет перспективные для дальнейших исследований тематики: крайне важными представляются осмысление того значения, которое районирование может (и должно) играть в реализуемой в настоящее время территориальной политике, а также определение и развитие инструментов, которые способствуют превращению макрорегионов в структуры, позволяющие повысить степень связанности входящих в их состав реги-

онов, обеспечить условия для их взаимодействия. Полученные в рамках проведенного исследования результаты могут быть использованы органами государственной власти для совершенствования форм, методов и инструментов реализации пространственной политики.

Список источников

- Алиев, А. Т., Суртаева, О. С., Савельев А. В. (2020). Стратегия пространственного развития России: оценка перспектив реализации. *Проблемы экономики и юридической практики*, 16(5), 53-57.
- Блануца, В. И. (2020). Макрорегионы в стратегии пространственного развития России: верификация границ по перспективным экономическим специализациям. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*, 22(3), 30-41. <https://doi.org/10.15688/ek.volsu.2020.3.3>
- Бухвальд, Е. М. (2019). Макрорегионы и мезоуровень экономической безопасности России. *Развитие и безопасность*, 1, 82-91. https://doi.org/10.46960/74159_2019_1_82
- Бухвальд, Е. М. (2023). Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития. *Федерализм*, 28(1), 80-98. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-80-98>
- Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. (2019). Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России. *Региональная экономика. Юг России*, 7(1), 18-28. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.2>
- Вишневский, Д. С., Демьяненко, А. Н. (2010). Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России. *Пространственная экономика*, 4, 6-31.
- Демьяненко, Ю. А. (2012). Роль федеральных округов в системе субъектного состава России: неконституционное закрепление. *Этносоциум и межнациональная культура*, 8(50), 84-91.
- Ермаченко, Ф. М. (2020). Исследование функциональности макрорегионов Российской Федерации. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9(99), 168-171. <https://doi.org/10.23670/irj.2020.99.9.029>
- Жихаревич, Б. С., Прибышин, Т. К. (2021). Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти. *Регион: экономика и социология*, 4(112), 3-26. <https://doi.org/10.15372/reg20210401>
- Зубаревич, Н. В. (2014). Региональное развитие и региональная политика в России. *ЭКО*, 44(4), 7-27.
- Ким, В. В. (2019). Макрорегионы и федеральные округа: знак равенства? *Advances in Law Studies*, 7(1), 36-40. https://doi.org/10.29039/article_5d1290f2ecb6f8.06310026
- Ким, В. В. (2020). Концепция вспомогательных органов государственной власти: институт полномочных представителей Президента России в федеральных округах. *Актуальные проблемы российского права*, 15(7), 22-29. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.022-029>
- Кожевников, С. А. (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства. *Вопросы территориального развития*, 3(48). <https://doi.org/10.15838/tdi.2019.3.48.1>
- Кузнецова, О. В. (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем. *Пространственная экономика*, 15(4), 107-125. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
- Кузнецова, Ю. А. (2022). Концептуальный подход к содержанию системы управления инновационным пространством макрорегиона. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 19(6), 56-67. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-56-67>
- Лебедев, В. А. (2018). Становление и развитие института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 6, 88-96.
- Минакир, П. А. (2019). Российское экономическое пространство. Стратегические тупики. *Экономика региона*, 15(4), 967-980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
- Минакир, П. А., Исаев, А. Г., Демьяненко, А. Н., Прокапало О. М. (2020). Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока. *Пространственная экономика*, 16(1), 66-99. <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099>
- Митрофанова, И. В. (2008). Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 4(8), 30-40.
- Мохнаткина, Л. Б. (2023). Региональное неравенство исполнения федерального бюджета в субъектах Российской Федерации. *Экономика региона*, 19(1), 274-288. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-21>
- Паничкина, Е. В. (2019). Макрорегионы как элемент нового территориального конструкта России. *Теории и проблемы политических исследований*, 8(5А), 14-22. <https://doi.org/10.34670/ar.2019.44.5.003>
- Печеневский, В. Ф. (2020). Трансформация структуры аграрного производства: территориально-отраслевые и организационно-экономические аспекты (на примере Центрально-черноземного макрорегиона). *АПК: Экономика, управление*, 2, 4-10. <https://doi.org/10.33305/202-4>
- Сивцова, Н. Ф., Трошин, А. С., Соколов, М. Б. (2023). Инновационная активность в экономическом пространстве: оценка и сравнительный анализ макрорегионов РФ. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 2(74), 7421.
- Сорокина, Н. Ю. (2020). Общесистемные проблемы пространственного развития Российской Федерации. *Региональная экономика. Юг России*, 8(1), 4-15. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.1.1>

Степуть, И. (2019). Макрорегионы в системе управления пространственным развитием. *Проблемы теории и практики управления*, 1, 46-54.

Суворова, А. В. (2021). Формирование макрорегионов как инструмент сокращения внутритерриториальных диспропорций: опыт Уральского федерального округа. *Теоретическая и прикладная экономика*, 4, 1-14. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.4.36766>

Тарасов, В. Т. (2021). Денежные доходы населения макрорегионов России: анализ долгосрочных тенденций неравенства. *Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*, 2(25), 27-39.

Топилин, А. В., Хомяченко, О. Н. (2021). Макрорегион как объект стратегического планирования пространственного развития национальной экономики. *Вестник РАЕН*, 21(2), 57-61. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-2-57-61>

Туровский, Р. Ф. (1999). Региональная идентичность в современной России. В: *Российское общество: становление демократических ценностей?* (С. 87-88). Москва: Гендальф.

Чайникова, Л. Н. (2015). Оценка пространственной дифференциации инновационного потенциала макрорегионов России. *Вестник Самарского государственного экономического университета*, 2(124), 96-101.

Шаталова, О. М. (2022). Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент*, 16(2), 55-63. <https://doi.org/10.14529/em220205>

Belloni, R. (2019). Assessing the rise of macro-regionalism in Europe: the EU Strategy for the Adriatic and Ionian Region (EUSAIR). *Journal of International Relations and Development*, 23, 814-839. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00170-y>

Chilla, T., & Streifeneder, T. (2018). Interrelational space? The spatial logic of the macro-regional strategy for the Alps and its potentials. *European Planning Studies*, 26(12), 2470-2489. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1532493>

David, P. (2019). Optimization of Gini Coefficient Affected by Imperfect Input Data. *European Journal of Business Science and Technology*, 5(1), 21-29. <https://doi.org/10.11118/ejobsat.v5i1.160>

Gänzle, S., & Mirtl, J. (2019). Experimentalist governance beyond European Territorial Cooperation and cohesion policy: macro-regional strategies of the European Union (EU) as emerging 'regional institutions'? *Journal of European Integration*, 41(2), 239-256. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1580277>

Gänzle, S., Stead, D., Sielker, F., & Chilla, T. (2019). Macro-regional Strategies, Cohesion Policy and Regional Cooperation in the European Union: Towards a Research Agenda. *Political Studies Review*, 17(2), 161-174. <https://doi.org/10.1177/1478929918781982>

Hajdu, O. (2021). A New Generalized Variance Approach for Measuring Multidimensional Inequality and Poverty. *Social Indicators Research*, 158, 839-861. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02720-9>

Martin-Legendre, J. I. (2018). The challenge of measuring poverty and inequality: a comparative analysis of the main indicators. *European Journal of Government and Economics*, 7, 24-43. <https://doi.org/10.17979/ejge.2018.7.1.4331>

Medeiros, E. (2013). Euro-Meso-Macro: The New Regions in Iberian and European Space. *Regional Studies*, 47, 1249-1266. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.602336>

Miljkovic, M., Filipovic, S., & Tanaskovic, S. (2013). Market concentration in the banking sector: Evidence from Serbia. *Industrija*, 41, 7-25. <https://doi.org/10.5937/industrija41-4064>

Muszynska, J., Oczki, J., & Wędrowska, E. (2018). Income Inequality in Poland and the United Kingdom. Decomposition of the Theil Index. *Folia Oeconomica Stetinensia*, 18(1), 108-122. <https://doi.org/10.2478/fole-2018-0009>

Pagliacci, F., Pavone, P., Russo, M., & Giorgi, A. (2019). Regional structural heterogeneity: evidence and policy implications for RIS3 in macro-regional strategies. *Regional Studies*, 54(6), 765-775. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1635689>

Schymik, C. (2011). *Blueprint for a macro-region: EU strategies for the Baltic Sea and Danube regions*. SWP Research Papers, 31.

Sielker, F. (2016). New Approaches in European Governance? Perspectives of Stakeholders in the Danube Macro-region. *Regional Studies, Regional Science*, 3(1), 88-95. <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1116957>

Stead, D. (2014). European Integration and Spatial Rescaling in the Baltic Region: Soft Spaces, Soft Planning and Soft Security. *European Planning Studies*, 22(4), 680-693. <https://doi.org/10.1080/09654313.2013.772731>

Szlachta, J., & Zaleski, J. (2011). Socioeconomic Development Programs for Macroregions. *Gospodarka Narodowa [The Polish Journal of Economics]*, 249, 21-46. <https://doi.org/10.33119/gn/101073>

Vorontsova, I. P., Vitkovskaya, L. K., & Drobyshev, I. A. (2020). Evaluation of Human Capital in the Macroregion (on the Example of the Yenisey Siberia). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(11), 1808-1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0686>

References

Aliev, A. T., Surtaeva, O. S., & Savelyev A. V. (2020). Spatial Development Strategy of Russia: Assessment of Implementation Prospects. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Economic problems and legal practice]*, 16(5), 53-57. (In Russ.)

- Belloni, R. (2019). Assessing the rise of macro-regionalism in Europe: the EU Strategy for the Adriatic and Ionian Region (EUSAIR). *Journal of International Relations and Development*, 23, 814-839. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00170-y>
- Blanutsa, V. I. (2020). Macro-Regions in the Spatial Development Strategy of Russia: Verification of Borders by Promising Economic Specializations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics]*, 22(3), 30-41. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.3.3> (In Russ.)
- Bukhvald, E. M. (2019). Macroregions and the mesolevel of economic security of Russia. *Razvitie i bezopasnost [Development and security]*, 1, 82-91. https://doi.org/10.46960/74159_2019_1_82 (In Russ.)
- Bukhvald, E. M. (2023). Institutional Problems of Spatial Development Strategization. *Federalizm [Federalism]*, 28(1), 80-98. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-80-98> (In Russ.)
- Bukhvald, E. M., & Valentik, O. N. (2019). Macroregions as the Innovation in Strategizing the Spatial Development of the Russian Economy. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. The South of Russia]*, 7(1), 18-28. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.2> (In Russ.)
- Chainikova, L. N. (2015). Assessment of spatial differentiation of innovative potential in macro-regions of Russia. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics]*, 2(124), 96-101. (In Russ.)
- Chilla, T., & Streifeneder, T. (2018). Interrelational space? The spatial logic of the macro-regional strategy for the Alps and its potentials. *European Planning Studies*, 26(12), 2470-2489. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1532493>
- David, P. (2019). Optimization of Gini Coefficient Affected by Imperfect Input Data. *European Journal of Business Science and Technology*, 5(1), 21-29. <https://doi.org/10.11118/ejobsat.v5i1.160>
- Demyanenko, Yu. A. (2012). The role of federal districts in the system of subject composition of Russia: unconstitutional consolidation. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura [Ethnosocium and Interethnic Culture]*, 8(50), 84-91. (In Russ.)
- Gänzle, S., & Mirtl, J. (2019). Experimentalist governance beyond European Territorial Cooperation and cohesion policy: macro-regional strategies of the European Union (EU) as emerging 'regional institutions'? *Journal of European Integration*, 41(2), 239-256. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1580277>
- Gänzle, S., Stead, D., Sielker, F., & Chilla, T. (2019). Macro-regional Strategies, Cohesion Policy and Regional Cooperation in the European Union: Towards a Research Agenda. *Political Studies Review*, 17(2), 161-174. <https://doi.org/10.1177/1478929918781982>
- Hajdu, O. (2021). A New Generalized Variance Approach for Measuring Multidimensional Inequality and Poverty. *Social Indicators Research*, 158, 839-861. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02720-9>
- Kim, V. V. (2019). Macroregions and federal districts: a sign of equality? *Advances in Law Studies*, 7(1), 36-40. https://doi.org/10.29039/article_5d1290f2ecb6f8.06310026 (In Russ.)
- Kim, V. V. (2020). The Concept of Auxiliary Government Agencies: The Institution of Plenipotentiary Representatives of the President of Russia in Federal Districts. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 15(7), 22-29. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.022-029> (In Russ.)
- Kozhevnikov, S. A. (2019). Strategy for Russia's Spatial Development and Prospects for Russian Space Transformation. *Voprosy territorialnogo razvitiya [Territorial development issues]*, 3(48). <https://doi.org/10.15838/tdi.2019.3.48.1> (In Russ.)
- Kuznetsova, O. V. (2019). Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 15(4), 107-125. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (In Russ.)
- Kuznetsova, Yu. A. (2022). Conceptual Approach to Essence of the System of Innovation Space Control in Macro-Region. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics]*, 19(6), 56-67. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-56-67> (In Russ.)
- Lebedev, V. A. (2018). The establishment and evolution of the institution of the plenipotentiary representative of the president of the Russian Federation in federal district. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, 6, 88-96. (In Russ.)
- Martin-Legendre, J. I. (2018). The challenge of measuring poverty and inequality: a comparative analysis of the main indicators. *European Journal of Government and Economics*, 7, 24-43. <https://doi.org/10.17979/ejge.2018.7.1.4331>
- Medeiros, E. (2013). Euro-Meso-Macro: The New Regions in Iberian and European Space. *Regional Studies*, 47, 1249-1266. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.602336>
- Miljkovic, M., Filipovic, S., & Tanaskovic, S. (2013). Market concentration in the banking sector: Evidence from Serbia. *Industrija*, 41, 7-25. <https://doi.org/10.5937/industrija41-4064>
- Minakir, P. A. (2019). Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(4), 967-980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1> (In Russ.)
- Minakir, P. A., Isaev, A. G., Demyanenko, A. N., & Prokapalo O. M. (2020). Economic Macroregions: An Integration Phenomenon or a Political Geographic Rationale? Far Eastern Russia Case. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 16(1), 66-99. <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099> (In Russ.)
- Mitrofanova, I. V. (2008). Macroregion as an emerging form of territorial institution. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost [National Interests: Priorities and Security]*, 4(8), 30-40. (In Russ.)

- Mokhnatkina, L. B. (2023). Regional Inequality in the Federal Budget Execution in Russian Regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 19(1), 274-288. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-21> (In Russ.)
- Muszynska, J., Oczki, J., & Wędrowska, E. (2018). Income Inequality in Poland and the United Kingdom. Decomposition of the Theil Index. *Folia Oeconomica Stetinensia*, 18(1), 108-122. <https://doi.org/10.2478/fofi-2018-0009>
- Pagliacci, F., Pavone, P., Russo, M., & Giorgi, A. (2019). Regional structural heterogeneity: evidence and policy implications for RIS3 in macro-regional strategies. *Regional Studies*, 54(6), 765-775. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1635689>
- Panichkina, E. V. (2019). Macroregions as an element of the new territorial construct of Russia. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theories and Problems of Political Studies]*, 8(5A), 14-22. <https://doi.org/10.34670/ar.2019.44.5.003> (In Russ.)
- Pechenevsky, V. F. (2020). Transformation of the agricultural production structure: territorial-sectoral and organizational-economic aspects (on the example of the Central Black-Earth macro-region). *APK: Ekonomika, upravlenie [AIC: economics, management]*, 2, 4-10. <https://doi.org/10.33305/202-4> (In Russ.)
- Schymik, C. (2011). *Blueprint for a macro-region: EU strategies for the Baltic Sea and Danube regions*. SWP Research Papers, 31.
- Shatalova, O. M. (2022). Differentiation in the economic space of the Russian Federation: structural analysis at the level of macro-regions. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management]*, 16(2), 55-63. <https://doi.org/10.14529/em220205> (In Russ.)
- Sielker, F. (2016). New Approaches in European Governance? Perspectives of Stakeholders in the Danube Macro-region. *Regional Studies, Regional Science*, 3(1), 88-95. <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1116957>
- Sivtsova, N. F., Troshin, A. S., & Sokolov, M. B. (2023). Innovative activity in the economic space: assessment and comparative analysis of the macro-regions of the Russian Federation. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional economy and management: electronic scientific journal]*, 2(74), 7421. (In Russ.)
- Sorokina, N. Yu. (2020). Systemic Issues of Spatial Development of the Russian Federation. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. The South of Russia]*, 8(1), 4-15. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.1.1> (In Russ.)
- Stead, D. (2014). European Integration and Spatial Rescaling in the Baltic Region: Soft Spaces, Soft Planning and Soft Security. *European Planning Studies*, 22(4), 680-693. <https://doi.org/10.1080/09654313.2013.772731>
- Stepus, I. (2019). Macro-regions in the management system of spatial development of Russia. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [International journal of management theory and practice]*, 1, 46-54. (In Russ.)
- Suvorova, A. V. (2021). The formation of macroregions as an instrument for reducing intraterritorial disparities: experience of the Ural Federal District. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and Applied Economics]*, 4, 1-14. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.4.36766> (In Russ.)
- Szlachta, J., & Zaleski, J. (2011). Socioeconomic Development Programs for Macroregions. *Gospodarka Narodowa [The Polish Journal of Economics]*, 249, 21-46. <https://doi.org/10.33119/gn/101073>
- Tarasov, V. T. (2021). Cash income of the population of macroregions of Russia: analysis of long-term inequality trends. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration]*, 2(25), 27-39. (In Russ.)
- Topilin, A. V., & Khomyachenko, O. N. (2021). Macroregion as an object of strategic planning of spatial development of the national economy. *Vestnik RAEN*, 21(2), 57-61. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-2-57-61> (In Russ.)
- Turovskiy, R. F. (1999). Regional identity in modern Russia. In: *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh tsennostey? [Russian society: the formation of democratic values?]* (p. 87-88). Moskva: Gendalf. (In Russ.)
- Vishnevskiy, D. S., & Demyanenko, A. N. (2010). Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 6-31. (In Russ.)
- Vorontsova, I. P., Vitkovskaya, L. K., & Drobyshev, I. A. (2020). Evaluation of Human Capital in the Macroregion (on the Example of the Yenisey Siberia). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(11), 1808-1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0686>
- Yermachenko, F. M. (2020). Studying the functional nature of Russian macroregions. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International research journal]*, 9(99), 168-171. <https://doi.org/10.23670/irj.2020.99.9.029> (In Russ.)
- Zhikharevich, B. S., & Pribyshin, T. K. (2021). Spatial development strategy of Russia as a result of science and authorities interacting. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 4(112), 3-26. <https://doi.org/10.15372/reg20210401> (In Russ.)
- Zubarevich, N. V. (2014). Regional development and regional policy in Russia. *EKO [ECO]*, 44(4), 7-27. (In Russ.)

Информация об авторах

Лаврикова Юлия Георгиевна — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ; директор, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6419-2561>; Scopus Author ID: 57190430359 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, пр-кт Ленинградский, 49/2; Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: lavrikova.ug@uieec.ru).

Суворова Арина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ; зам. директора по научной работе, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0003-4050-2083>; Scopus Author ID: 57213839240 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, пр-кт Ленинградский, 49/2; Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: suvorova.av@uiec.ru).

About the authors

Yulia G. Lavrikova — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Chief Research Associate, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Director, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6419-2561>; Scopus Author ID: 57190430359 (49/2, Leningradskiy Ave., Moscow, 125167; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru).

Arina V. Suvorova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Deputy Director for Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0003-4050-2083>; Scopus Author ID: 57213839240 (49/2, Leningradskiy Ave., Moscow, 125167; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: suvorova.av@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 27.07.2023.

Прошла рецензирование: 01.09.2023.

Принято решение о публикации: 19.09.2023.

Received: 27 Jul 2023.

Reviewed: 01 Sep 2023.

Accepted: 19 Sep 2023.